

[Режиссер Никита Михалков \(он же с недавних пор Бесогон\) завел канал на YouTube и блог в ЖЖ. "Ну надо же!" — подумал писатель Леонид Каганов.](#)

Копошились шмели, зеленели колосья, в палисадник роняли свой пух тополя, и скрипело своею небесною осью православное тело планеты Земля. Копошились в стогах крепостные крестьяне. Долетал из конюшен трезвон бубенцов. Догорал уголек в золоченом кальяне. Растопырясь усами, лоснилось лицо. И ложились лучи из проемов оконных на паркет из любимых карельских берез. И висели по стенам большие иконы. И стояли матрешки везде и всерьез. И как будто свеча из опывшего воска, с верхней полки буфета, как маленький бог, золотился андроид по имени Оскар, закрывая локтями живот и пупок.

В соболиной толстовке на голом на теле, завернувшись в шелка и шиншилловый мех, посреди хохломы, самоцветов и гжели восседал человек, что достойнее всех. Восседал человек, чья открыта дорога, чьей затылок сиял благородством седин, чей талант уникален, поскольку от бога, да и сам он у бога единственный сын. Автор кинокартин, председатель союзов, вождь бюджетов, которыми руководит, — в общем, гений эпохи, к которому муза прилетает всегда по звонку и в кредит. Он сидел на веранде, великий, красивый, и мизинцем в бокале давил ананас. И катилась из глаза печаль за Россию и тоска за никчемных беспомощных нас. Он сидел на веранде с сигарой на ухе и молился Отцу, и летали над ним — над его головой — золотистые мухи, образуя по кругу светящийся нимб. Он сидел здесь с обеда и прямо до ночи, он молился усердно с полудня до двух, он шептал исступленно: "О Господи! Отче! Я прошу, испытай мою веру и дух! Испытай мою твердость! Мечтаю об этом! Неземное страдание в душу посеи! Всю духовность России контрольным пакетом я давно положил в свое сердце, как в сейф! Я

давно безразличен к нападкам и лести, надоел государственный звон орденов, у меня столько личных земель и поместий, что за тысячу лет не отснять для кино. Я не знаю ни бед, ни лишений, ни боли, я купаюсь в потоках вселенских щедрот. Мой народ меня любит. И даже поболее, чем люблю я в ответ этот самый народ. Всемогущий отец! Испытай мою веру! И тебе докажу я, что вера крепка! Ты отправь меня, скажем... на крест, для примера! Или, скажем, в кровавый концлагерь цэка! Или в рубище рваном холодной зимою я, покинутый всеми, в военном дыму так и вижу себя с переплетной сумою... Или как там у них называют суму? Так и вижу себя изможденным и бледным: я сижу на коне, благороден и крут, и всю раздаю все имущество бедным... Но они же его за неделю просрут? Или вот я в грязи, исцарапан, изодран и с простеленной грудью качусь в лопухи... Я согласен по этим по всем эпизодам отыграть, искупая людские грехи. Что ж ты, Господи боже, молчишь предо мною? Я сказал же: пошли испытание мне! Мне уж кажется, я говорю со стеною и с камином, устроенным в этой стене!"

Вдруг, как гром, как удар разорвавшейся мины, потонула веранда в огне и дыму, и Всевышний, как Санта, из недр камина вдруг с отеческой лаской ответил ему: "Сын мой верный, любимый! Твое благородство не нуждается в тестах! Но раз уж просил, раз уж рвешься на подвиг... То подвиг юродства соверши, не жалея ни веры, ни сил! Притворись, будто совесть, и скромность, и разум ты давно потерял, как теряют ключи. Притворись, будто всех ненавидишь. И разом всех вокруг оскорби, обхами, обкричи! Плюй в лицо журналистам, гони пресс-релизы! Выстрой имидж такой, чтоб ни шагу назад! Пусть твоим языком будет вечно облизан представителям власти начальственный зад. Сделай вид, что забыл все азы этикета, что в кино ты и совесть, и стыд потерял и снимаешь такое, что нужно пакеты выдавать без попкорна садящимся в зал. Позлорадствуй стране, пережившей цунами, сообщи интернету, что каждый — урод... Быть любимым нетрудно. А ты, между нами, сделай так, чтоб тебя ненавидел народ... И когда, словно беса, тебя в интернете разопнут фарисеи, измазав в говне, я поверю, что свят ты на этой планете и тверда твоя вера и преданность мне!"

Человек у камина с сияющим взглядом так и прыгнул на кресле, воскликнув: "О да! Уж об этом просить меня дважды не надо! Эту роль я охотно сыграю всегда!" И понесся во двор, и увидел вот эти полевые цветы меж колосьев и трав. И летали шмели беззаботны,

как дети, и садились ему на рукав.